

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

УБИТ ПО СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Убит по собственному желанию

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Убит по собственному желанию / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2020 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-110475-7

В крупном областном центре совершена серия убийств. В числе погибших два предпринимателя, прокурор и журналист. Полковники МВД Гуров и Крячко выявляют людей, которые пересекались с потерпевшими. Подозрение падает на одного из них, бывшего боксера, а ныне таксиста. Оперативники устанавливают за ним наблюдение. Но боксер, почувствовав слежку, пытается бежать. Гуров пускается в погоню и неожиданно оказывается в руках настоящего убийцы, который не привык церемониться со своими жертвами...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-110475-7

© Леонов Н. И., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Николай Леонов, Алексей Макеев Убит по собственному желанию

В оформлении обложки использован коллаж из рисунков художника *Валерия Петелина*

© Макеев А.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Вызов к генералу Орлову застал Гурова в самый разгар работы. Он как раз заканчивал составление обвинительного заключения по делу, которым занимался последний месяц. Дело было трудное: следовало раскрыть группу преступников, которые поставляли в Россию большие партии наркотиков. Гурову долгое время не удавалось определить канал, по которому отравка попадала в нашу страну. И только две недели назад он сумел установить, что преступники пользовались для доставки наркотиков товарами детского питания. И, как только это удалось выяснить, все дальше пошло быстро – он раскрыл всю преступную группу, узнал схему, с помощью которой нужные коробки с «питанием» попадали в руки бандитов. Затем последовали аресты, допросы. И вот теперь Гуров занимался финальной стадией дела – составлял обвинительное заключение.

Так что вызов к начальнику Главка его даже не особенно огорчил. Заключение можно было составить и завтра, а сегодня дать себе небольшой отдых. Направляясь к кабинету Орлова, Лев размышлял, зачем он мог понадобиться генералу. Конечно, страна большая, преступления происходят в разных ее концах. Но в последние дни, просматривая сводки, он не замечал сообщений о каких-то громких, особо трудных делах. А ведь ему поручали именно такие – преступления, перед которыми пасовали другие оперативники Главка. Было, правда, дело в городе Заречье, серия загадочных убийств. Но туда уже три дня назад отправился полковник Крячко. А если за дело взялся такой опытный сотрудник, как Стас Крячко, то другому оперативнику такого же уровня не стоит этим заниматься. Значит, Орлов приготовил что-то другое. Интересно, что?

Вот с таким настроением «интересно, что мне здесь приготовили» Гуров и вошел в кабинет начальника Главка. Орлов предложил ему сесть, спросил, как продвигается дело о наркотиках.

– Можно считать, товарищ генерал, что дела такого больше нет, – ответил Лев. – Преступление раскрыто, вина каждого обвиняемого очевидна, все доказательства собраны. Я как раз писал обвинительное заключение, когда вы меня вызвали.

– Раскрыто, раскрыто... – повторил его слова Орлов. – Да, мне говорили, что ты расщелкал этот орешек. Вот я и хочу дать тебе другой орешек, покрепче. А заключение за тебя майор Воробьев напишет – ведь он в курсе дела?

– Да, мы вместе работали, вместе все вели, – подтвердил Лев. – А какой такой орешек ты хочешь мне поручить? Что-то я в последнее время не слышал о каких-то громких делах...

– Не слышал? Разве? А Заречье? Разве ты о нем тоже не знаешь?

Тут настал черед удивиться Гурову.

– Но ведь в Заречье отправился полковник Крячко, разве нет?

– Да, отправился, – кивнул Орлов. – Вот только... – Он неопределенно пошевелил пальцами и пожал плечами.

– Что, неужели не выходит? У Стаса Крячко – и не выходит с расследованием?

– Да, представь себе! У Стаса – и не выходит. Звонил он мне сегодня утром, жаловался на трудности.

– Что, местная полиция сильно коррумпирована? – предположил Гуров. – Мы с ним с таким явлением не раз встречались. Шагу нельзя сделать, чтобы местные коллеги не доложили о нем бандитам. Опереться не на кого, экспертизу нужно сделать – не допросишься...

– Нет, в Заречье все не так, – заверил Орлов. – Во всяком случае, твой друг Крячко ни о какой коррупции не говорил. Местные органы ему помогают, прямо из кожи вон лезут, чтобы оказать ему всяческую помощь. Просто дело оказалось слишком сложным. Вот полковник и просит: пришлите, мол, сюда моего друга Льва. Без его смекалки у меня ничего не выходит.

– Вот оно как... – задумчиво протянул Гуров. – Признаться, я такого даже не припомню, чтобы Стас просил помощи. Выходит, дело действительно сложное... А что там случилось, в Заречье? Может, введешь меня в курс дела?

– Обязательно введу, – ответил генерал. – Раз я тебя туда посылаю, должен рассказать, что и как. Итак, слушай. В течение последних двух лет в Заречье совершено четыре убийства. То есть у них за этот период и другие убийства случались, но те все – в основном бытовые, и все раскрыты. А эти четыре так и остаются «висяками». Первое преступление произошло ровно два года назад, в сентябре, как и сейчас. В полицию с заявлением о пропаже мужа обратилась жена предпринимателя Валентина Гурьянова. Полиция начала поиски и уже вечером того же дня нашла пропавшего бизнесмена. Гурьянов был обнаружен в багажнике собственной машины, припаркованной... возле детского садика, где находился его пятилетний сынишка. По первым признакам выходило, что бизнесмен умер от удушья. Это предположение подтвердилось при вскрытии, с одним уточнением: Гурьянова сначала оглушили, ударив по голове каким-то тяжелым предметом, а затем задушили с помощью веревки. Веревка, которой душили бизнесмена, лежала тут же, в салоне машины. И еще одна деталь: на лбу убитого фломастером был нарисован крест.

– Не вырезан, а именно нарисован? – уточнил Лев.

– Да, именно нарисован.

– А что, Гурьянов имел какое-то отношение к церкви?

– Как оказалось, имел, и самое прямое. Он являлся постоянным прихожанином церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Много жертвовал этой церкви, не пропускал ни одной службы, имел собственного священника-духовника.

– Вообще все, что ты говоришь, Петр, указывает на то, что убийство совершил маньяк, – заметил Гуров. – Убийца демонстрировал, что хорошо знал убитого: его привычки, характер. Об этом говорит и крест, нарисованный на лбу, и то, что машина с телом была оставлена рядом с детским садом. Тут особая, циничная жестокость.

– Вот и наши коллеги из Заречья пришли к тому же мнению, – сказал Орлов. – Они квалифицировали убийство как совершенное маньяком и стали вести поиски преступника среди тех, кто попадает под эту категорию. Ты сам знаешь – это люди особого склада. Отнесение преступника к маньякам сразу резко сужает круг поисков. Маньяк – это всегда мужчина, как правило, молодой, во всяком случае, не старше пятидесяти, физически сильный, не очень преуспевший в жизни... ну, и так далее. И хотя преступлений такого рода в Заречье ранее не совершали, тамошние оперативники были уверены, что им удастся довольно быстро вычислить убийцу.

– Но не удалось, как я понимаю, – заметил Гуров.

– Нет, не удалось, – подтвердил генерал. – По ходу следствия было задержано свыше тринадцати человек, но всех их позже пришлось отпустить. Прошел месяц, начался уже ноябрь, а убийца никак не находился. И тут пропал еще один бизнесмен – Рустам Касимов.

– Снова было заявление от жены?

– Да, заявление подала жена, но на этот раз первыми забеспокоились подчиненные Касимова. Он должен был приехать в пригород Заречья открывать построенный колбасный цех, но не приехал. Поскольку бизнесмен был человеком пунктуальным, никогда не опаздывал, подчиненные стали звонить ему домой. Тут выяснилось, что Касимов уехал открывать цех еще утром – и пропал. Стали искать и нашли...

– В машине?..

– Именно, только на этот раз не в багажнике. Касимов сидел за рулем своего джипа. Сидел прямо, так что со стороны казалось, что все в порядке – водитель просто остановил машину на обочине. Лишь при осмотре выяснилось, что владелец сети колбасных заводов и магазинов

был привязан к сиденью с помощью буксировочного троса, потому и сидел прямо. И этот же трос стал орудием убийства: бизнесмена задушили петлей, сделанной из него.

– Буксировочный трос – штука жесткая, затянуть петлю из него трудно, – покачал головой Лев.

– Оперативники это тоже отметили и пришли к выводу, что убийца обладает немалой физической силой.

– А какие-то символы на теле в этот раз присутствовали?

– Да, символы были, и даже несколько. Только на этот раз это были не рисунки, это было нечто вещественное. За пазуху Касимову убийца положил несколько кусков колбасы – все из принадлежащих ему магазинов. А на сиденье рядом с предпринимателем лежал мертвый заяц.

– Заяц? – удивился Гуров. – Почему заяц?

– Как выяснилось, убитый был страстным охотником. Каждую неделю выезжал на ту или иную охотничью базу. У него было несколько ружей, карабин. Касимов охотился на кабанов, лосей, лис. Но чаще всего его добычей становились именно зайцы.

– То есть опять тот же набор признаков, – заметил Лев. – И орудие убийства, и помещенные рядом с жертвой предметы имеют самое прямое отношение к убитому. Буксировочный трос, колбаса, заяц... Явный почерк маньяка. И что, полиция опять кого-то задержала?

– Вновь были задержаны два десятка человек. И снова всех пришлось отпустить – убийцы среди них не нашлось.

– Интересно, а среди задержанных по делу Касимова не было тех, кто уже привлекался к следствию по первому делу, бизнесмена Гурьянова? – поинтересовался Гуров.

– Таких подробностей я не знаю, – ответил Орлов. – Это тебе все Крячко расскажет. Моя задача – сообщить тебе самое главное, очертить, так сказать, рамки расследования. Значит, слушай дальше. Итак, Касимов был убит в ноябре. А в феврале исчез сотрудник областной прокуратуры Михаил Конягин. Естественно, на поиски прокурора были брошены все силы зареченской полиции. И спустя сутки Конягина нашли...

– Мертвого?

– Да. На этот раз местом убийства стал пригородный парк. В Заречье его называют Емельянов лес – сохранилось предание, что здесь стояли лагерем войска крестьянского вожака Емельяна Пугачева. И вновь способ убийства, его обстоятельства повергли следствие в состояние недоумения...

– Опять что-то необычное?

– Крайне необычное! Конягина нашли привязанным к его собственному снегоходу. Выяснилось, что прокурора долго, на протяжении нескольких километров, волочили вслед за санями. Однако умер он не от полученных при этом травм. Нет, когда убийца остановил сани, прокурор был еще жив. Умер он позже, его задушили буксировочным тросом. И вновь в деле фигурирует необычная деталь. На груди погибшего следователи обнаружили лист бумаги. На нем был напечатано: «Меня убил Сатана».

– А наш маньяк – человек с воображением... – слегка усмехнулся Лев. – Можешь не говорить о расследовании – и так ясно, что убийцу не нашли. Осталась последняя жертва.

– Да, мне осталось рассказать о самом последнем убийстве, – кивнул Орлов. – Но тут вот что необычно. Первые три убийства произошли одно за другим – между смертью Гурьянова и гибелью Конягина прошло едва полгода. А затем наступила пауза. Целых полтора года – тишина, никаких новых преступлений. Разумеется, следствие все это время не прекращалось, но местное руководство уже не слишком надеялось на раскрытие этих трех убийств. Теперь оно думало об одном: видимо, маньяк уехал из Заречья, и больше ничего подобного не случится. И тут... Буквально три месяца назад, в июне, исчез известный в области журналист, автор многих расследований, Сергей Угрюмов. Его хватились не сразу – журналист не был женат, а знакомая девушка не поднимала тревогу – думала, что Сергей уехал на несколько дней в

Москву. Когда, наконец, хватились, стали искать – прошло время, и когда все-таки нашли, тело сильно разложилось, июнь, сам понимаешь.

– И где же его нашли? – спросил Лев.

– На этот раз – на берегу пруда. Исследование останков показало, что журналиста вначале оглушили, а затем утопили в пруду. То есть голова у него была в воде, а остальная часть туловища оставалась на берегу.

– И необычная деталь была?

– Еще какая! В кармане брюк убитого следователи обнаружили записку, написанную (это показало исследование почерка) самим Угрюмовым. В ней было написано: «В моей смерти прошу никого не винить». Вот так. – Сказав это, генерал замолчал и откинулся на спинку кресла.

– Да, такого дела в моей практике еще не встречалось... – произнес Гуров. – Это просто супер. Теперь я понимаю, почему Стас попросил помощи.

– Ага, теперь ты понял! – воскликнул Орлов. – А то вначале глядел как-то недоверчиво. В общем, передай свое обвинительное заключение майору Воробьеву и сегодня же выезжай в Заречье. Я смотрел – сегодня поздно вечером есть поезд.

– А может, этот орешек окажется настолько твердым, что и мне будет не по зубам? – вопросительно посмотрел Лев на генерала.

– Ну, нет, в это я никак поверить не могу, – твердо заявил Орлов. – Нет еще такого преступления, которое не могли бы раскрыть два моих лучших сыщика. Даже измыслить такое невозможно! В общем, не выдумывай, езжай. Потом расскажете, что там за маньяк такой хитрый оказался.

Глава 2

До Заречья Гуров добрался без приключений. Поскольку из Москвы поезд выходил поздно ночью, то в город на Каме он приходил только в середине дня. А здесь, в Предуралье, из-за смены часовых поясов был вообще уже третий час дня. Однако, выйдя на перрон вокзала, Лев убедился, что солнце здесь греет так же исправно, как в Москве.

А еще он убедился, что друг Стас и правда сильно заинтересован в его приезде. Крячко редко приходил на вокзал встречать Гурова. Обычно в таких случаях он заявлял, что нечего тратить время на ненужные церемонии, что Лев и сам найдет дорогу, куда надо. Лучше, дескать, посвятить эти часы работе.

Теперь же Гуров еще из вагона увидел на перроне высокую фигуру друга. Крячко ждал его, Крячко нуждался в его помощи.

– Приехал все-таки, – буркнул Стас, когда они встретились. – Я уж думал, откажешься...

– А ты что, не рад, что я здесь? Если что, я могу взять обратный билет...

– Да рад я, рад! Ты не представляешь, в какой заднице мы все здесь сидим. Так что твоя голова будет совсем не лишней.

– То есть ты предлагаешь мне немедленно засунуть свою голову в то самое место, где вы все находитесь? – усмехнулся Лев. – Приятная перспектива, ничего не скажешь...

– Почему же «немедленно»? – ответил Крячко. – Нет, я тебя сначала свожу в одно место, покормлю, потом на постой определю. А потом уж познакомлю со следственной группой и с нашими соображениями.

– Основные факты Орлов мне уже изложил, теперь самое время ознакомиться с вашими соображениями. Так где это твое «одно место», где можно поесть?

– Садись в машину, я тебя отвезу, – сделал приглашающий жест Стас.

Гуров сел в потрепанный «Опель» друга, и они пустились в путь по улицам Заречья. По пути сыщик осматривал город. Надо сказать, Заречье произвело на него приятное впечатление. Город был ухожен, чист, в нем было много зелени.

Крячко остановил машину возле кафе под названием «Казачьи харчи». А когда сели за стол, он тут же заказал себе и другу по порции солянки и отбивные.

– Еда тут настоящая, натуральная, – заверил он Гурова. – И готовят, пожалуй, лучше, чем у нас на Арбате. Сейчас сам увидишь. А чтобы ты не отвлекался от поглощения пищи, о деле мы пока говорить не будем. А то разговор о трупах не слишком способствует пищеварению.

Тут им принесли первое, и Гуров приступил к оценке блюд. Солянка действительно оказалась превосходной, отбивная ей не уступала. Однако Льву не терпелось приступить к делу, и, едва покончив со вторым, он решительно отказался от предложенного другом чая, а также от поездки в гостиницу, заявив:

– Нет, хватит мне торжественный прием устраивать! Где у тебя рабочее помещение – в здешнем Управлении? Вот туда и поедем. Познакомишь меня с оперативниками, которые ведут это дело. Выскажете мне свои соображения. Подумаем вместе, наметим направления работы. Сделаем все это – тогда можно будет и об отдыхе подумать.

– Честно говоря, я так и думал, что ты не захочешь в гостиницу ехать, потребуешь заняться работой, – признался Крячко. – Ладно, поехали в Управление. У нас там что-то вроде штаба.

Они немного поколесили по улицам города и, наконец, остановились возле солидного четырехэтажного здания Управления. Поднявшись на третий этаж, Стас открыл перед напарником дверь кабинета, и они оказались в помещении, состоявшем из двух комнат. В первой стояли три стола. За одним из них сидел за компьютером крепкий мужчина лет сорока, с погонами майора, и просматривал на экране одно окно за другим. Сквозь открытую дверь видне-

лась вторая комната. Там сидели еще двое сотрудников, но помоложе, и так же изучали какие-то данные на мониторах.

– Вот штаб нашего расследования, – сказал Крячко, обводя рукой обе комнаты. – А это сотрудники, приданные мне в помощь. Все ко мне!

Сотрудники мгновенно оторвались от работы и окружили сыщиков.

– Вот, хочу вам представить человека, который с этого момента возглавит наше расследование, – проговорил Стас. – Перед вами знаменитый сыщик Лев Иванович Гуров. А это мои сотрудники: майор Леонид Березин, капитан Андрей Куликов и лейтенант Иван Соболев.

Гуров пожал руки всем троим, заметив при этом, с каким почтением оперативники из Заречья смотрели на него. Они твердо верили, что теперь их расследование сдвинется, наконец, с мертвой точки. Ведь такой знаменитый сыщик, как Лев Гуров, не может спастись перед этой загадкой, над которой они бились уже больше года. Такая вера в него льстила Гурову, но в то же время внушала тревогу. А что, если и он не справится? Что, если задача окажется слишком сложной?

– Ну что ж, если теперь я тут все возглавляю, то отдаю первое приказание, – произнес Лев. – Я хочу услышать от вас детальное описание всех четырех убийств. В Москве начальник Главка кратко ввел меня в курс дела. Но здесь важны подробности. Только когда я узнаю эти подробности, можно будет решить, как нам двигаться дальше. Так что давайте, рассаживайтесь. Кто начнет рассказывать?

– Пусть майор начнет, – предложил Крячко. – Он в этом деле с самого начала, с убийства Гурьянова. Капитан и лейтенант подключились позднее, ну а меня вообще три дня назад прислали.

– Хорошо, давайте я начну, – согласился майор Березин. – Только сначала давайте я наглядный материал выложу, чтобы было понятно, о ком мы ведем речь. Давайте, ребята, несите сюда фотки, какие у нас имеются.

Подчиняясь его приказу, капитан и лейтенант разложили на столе перед Гуровым фотографии четырех человек. Фотографии были двух видов: на одних люди были сняты еще при жизни, иногда в окружении своих домашних, другие были сделаны полицейскими при обнаружении мертвых тел.

– Вот они, все четверо, – сказал Березин. – И первым у нас идет Валентин Гурьянов.

Он говорил резко, отрывисто, что выдавало в нем человека решительного, смелого. «Кажется, майор хорош при задержаниях, когда надо действовать быстро, – заключил про себя Гуров. – А какие у него аналитические способности – это надо еще посмотреть».

– Вы уже, наверное, знаете, что тело Валентина Гурьянова обнаружили два года назад в багажнике его собственной машины, – начал свой рассказ Березин. – Гурьянов был задушен с помощью веревки. Орудие преступления лежало там же, в салоне машины.

– Это точно была та самая веревка? – уточнил Лев.

– Да, тут сомнений нет, – ответил майор. – На ней остались многочисленные кусочки кожи с шеи убитого.

– А кусочков кожи с рук убийцы случайно не осталось?

Гуров задал этот вопрос вроде бы небрежно, мимоходом. На самом деле он хотел проверить, насколько тщательно шло расследование с самого начала. Если бы оперативники упустили такую важную деталь, как анализ орудия убийства, это означало бы, что вся их работа нуждается в проверке.

– Нет, никаких следов на веревке нет, – сказал майор. – Наши криминалисты очень тщательно проверили всю веревку, каждый волосок осмотрели. Видимо, убийца действовал в перчатках.

– Мне говорили, что предварительно бизнесмена оглушили. Чем?

– Вот это установить не удалось, – с сожалением констатировал Березин. – Врачи говорят, что удар был нанесен тяжелым тупым предметом. Это может быть и молоток, и обух топора, и шоферская монтировка, и просто камень. Такого предмета в машине или возле нее не было.

– А еще я слышал, что по этому делу вы задержали целых тринадцать подозреваемых, – продолжал Гуров, – но всех потом пришлось отпустить. Что это были за люди?

– Это вы правильно слышали, – со вздохом признался майор. – Если считать последних двух, то даже не тринадцать, а пятнадцать человек мы задержали. Что это были за люди... Понимаете, когда мы увидели, что на лбу у Гурьянова нарисован крест, сразу возникло предположение, что убийца является маньяком. И не просто маньяком, а человеком, помешанным на религиозной почве. И мы стали вести поиски среди всего рода сектантов. Тут у нас есть группа неоязычников, есть сатанисты разного толка, есть и более экзотические группировки. И вот мы стали проверять, не следил ли кто-то из них за Гурьяновым, не угрожал ли кто-то ему. И, представьте, выяснили, что действительно у Гурьянова незадолго перед смертью был конфликт с членами секты сатанистов, и двое из них ему угрожали. Вот мы и задержали этих двоих, а еще одного из «борцов с пришельцами»...

– А это еще кто такие?

– Я же говорил – у нас всякие группы есть, в том числе весьма экзотические. «Борцов с пришельцами» у нас около полусотни. Вначале они просто распространяли брошюры с рассказами о том, что всю власть на Земле захватили «чужие». Эти «чужие» якобы обосновались на Луне, а также в глубинах земного шара. Выйдя оттуда, они принимают облик людей и занимают все важные посты. В нашем городе эти «борцы» главными «пришельцами» считали губернатора и епископа Нектария. А Гурьянова приплели сюда же, потому что он часто встречался с епископом и много жертвовал церкви.

– Да, такие люди могут убить, – согласился Гуров. – И вы их, стало быть, задержали. А что дальше?

– Дальше пришлось всех троих отпустить. И это несмотря на то, что один из задержанных, член секты сатанистов Вахрамеев, признался в убийстве!

– Один признался? – удивленно воскликнул Лев. – Почему же вы его отпустили?

– Потому что быстро выяснили, что это был типичный самооговор, – объяснил Березин. – Так называемый «убийца» не мог опознать на фотографии свою «жертву». Он не знал, где живет Гурьянов, на какой машине ездит, не знал обстоятельств его смерти... И потом, нашлась куча свидетелей, которые показали, что в момент смерти Гурьянова этот так называемый убийца находился совсем в другом месте. То же самое и с другими двумя задержанными – у них оказалось железное алиби. Они близко не подходили к машине Гурьянова, не душили его и не рисовали у убитого крест на лбу.

– Хорошо, про троих все понятно, – кивнул Лев. – А остальные откуда взялись?

– Мы стали интересоваться всеми, у кого были с Гурьяновым какие-либо противоречия или конфликты, – продолжил свой рассказ майор. – Выяснили, например, что у погибшего был конфликт с одним из соседей.

– А Гурьянов где жил – в квартире или в частном доме?

– В собственном доме. У них с женой четверо детей. Шесть лет назад, когда у них родился третий ребенок, девочка, Гурьяновы продали городскую квартиру и купили дом в пригороде. Там стоят собственные дома, как у Гурьяновых, и таунхаусы на две-три семьи. В одном из таунхаусов живет некий Максим, владелец стаффордширского терьера. На почве этого терьера у них с Гурьяновым и возник конфликт. Следует заметить, что покойный бизнесмен был человеком твердых правил. Скажем, нельзя разводить костры возле домов или в лесу – значит, нельзя. Или нельзя выгуливать собак без намордника и поводка – значит, так делать нельзя. Он сам всегда соблюдал правила и требовал того же от других. А владелец терьера не любил надевать намордник на своего питомца, и собака бегала без него. Из-за этого у Гурьянова с

Максимом Зубилиным несколько раз возникали перепалки, в итоге собака напала на Гурьянова и искусала его, а он в ответ сильно избил и пса, и его хозяина. Дело было передано в суд.

– И что же решил суд, интересно? – любопытно спросил Гуров.

– Ничего не решил, – ответил Березин. – Конфликт возник за полгода до смерти Гурьянова. Заседание суда несколько раз откладывалось, переносилось... А потом Гурьянов погиб, и дело было закрыто.

– Да, у этого Зубилина был прямой интерес ликвидировать слишком пунктуального соседа, – согласился Лев. – И что, там снова оказалось алиби?

– Да, выяснилось, что Зубилина в момент убийства вообще не было в Заречье, – ответил майор. – Тогда мы занялись другими подозреваемыми. Ведь Гурьянов, с его приверженностью к соблюдению правил, мог не понравиться самым разным людям, особенно тем, у кого неустойчивая психика. И мы нашли среди знавших погибшего четверых таких личностей. Но их мы даже не задерживали, всех четверых отпустили после допроса. У кого оказалось алиби, а кто просто не знал о гибели Гурьянова.

– Так что же получается? – подвел итог Гуров. – Получается, что по линии маньяков у вас прошло восемь человек. А всего имелось тринадцать подозреваемых. Откуда же взялись остальные пятеро?

– По линии бизнеса, – пояснил Березин. – Эту линию мы тоже рассматривали.

– Кстати, вы даже не сказали, каким бизнесом занимался погибший, – вспомнил Лев. – Ну-ка, расскажите. Что там у него было? Торговля? Строительство?

– Ни то и ни другое. Гурьянов сразу после окончания университета занимался развитием интернет-сетей. У него имелось несколько изобретений, в частности, он разработал собственный усилитель сигнала. И создал небольшое производство, где делал эти усилители, а затем устанавливал их. Его клиентами в основном были обитатели таких же пригородных поселков, как тот, в котором жил сам Гурьянов. Зачастую в таких местах бывает слабый телевизионный сигнал, Интернет туда еще хуже доходит. Бизнес у него развивался успешно, дела шли хорошо.

– А конкуренты были?

– Прямых конкурентов не было – никто не производил таких усилителей, – вступил в разговор капитан Куликов. – Но были люди, которым он мешал. Например, торговцы разного рода антеннами. Или те, кто прокладывает в отдаленные районы города кабели. Вот мы и стали проверять, не могли ли бизнес-интересы этих людей прийти в противоречие с деятельностью Гурьянова. И такие конфликты нашлись. Двое из тех, которых мы допрашивали, признались, что Гурьянов с его усилителями им сильно мешал. Однако обвинить их в убийстве тоже не удалось. На месте убийства этих двоих не было, улики против них, свидетельских показаний также не имелось. Таким образом, после того как мы были вынуждены отпустить последнего подозреваемого, следствие зашло в тупик.

Глава 3

– А тут как раз подоспело второе убийство, я правильно понимаю? – спросил Гуров.

– Совершенно правильно, – ответил все тот же Куликов. – В середине ноября было найдено тело Рустама Касимова. И тут уже все обстоятельства дружно говорили, что убийцей является маньяк. Тогда и была создана следственная группа в том составе, в котором вы ее сейчас видите. В помощь майору Березину откомандировали меня, а также лейтенанта Соболева. Нас освободили от всех других дел и велели заниматься только этими двумя убийствами.

– Но пока мы занимались Касимовым, произошло и третье убийство, прокурора Конягина, – вновь заговорил майор. – Тогда у нас в Управлении впервые заговорили о том, что своими силами нам не справиться, надо просить помощи из Москвы.

– Но в тот момент просить помощи ваше руководство не стало, – заключил Гуров. – Не стало, потому что убийца вдруг остановился. А ведь маньяки никогда не останавливаются...

– Да, у нас создалось впечатление, что преступник уехал из нашего города, – вступил в разговор лейтенант Соболев. – Конечно, это не означало, что расследование можно прекратить. Тем более был убит прокурор; это событие вообще неслыханное.

– За эти два года мы провели большую работу, – сказал майор Березин. – Кроме первых тринадцати подозреваемых было допрошено свыше пятидесяти человек! Но ни одному из них мы не могли предъявить обвинение.

– Улик не было?

– Да. Ни улики, ни показаний свидетелей.

– А что у нас, кстати, со свидетелями? Их что, вообще не было?

– В первом случае не было. Никто не видел, когда автомобиль Гурьянова остановился возле детского сада. Мы не нашли никого, кто при этом присутствовал.

– А камеры наблюдения? Ведь возле садика обязательно должна висеть камера!

– Она там была, – подтвердил Березин. – Но то место, где стояла машина Гурьянова, не попадало в поле зрения камеры.

– Очень интересно... – протянул Лев. – Такое впечатление, что преступник точно знал, что попадает в поле зрения камеры, а что нет. Редкая осведомленность! Может быть, этот человек имеет отношение к фирме, которая установила эту аппаратуру возле садика?

Оперативники переглянулись. Было очевидно, что эту возможность они не рассматривали.

– Но дело может обстоять еще хуже, – продолжал Гуров. – Этот человек мог иметь отношение к правоохранительным органам, точнее, к тому отделу, который ведает камерами наружного наблюдения. Тогда понятно, почему вам никак не удастся его поймать. Он точно знает, где вы собираетесь искать, знает, как проходят поиски.

– Ты что же, Лев, предполагаешь, что убийца находится здесь, в Управлении? – спросил Крячко. – Или, того хуже, в этой комнате?

– Нет, я не считаю, что убийца в этой комнате, – усмехнулся Гуров. – Но какое-то отношение к полиции он может иметь. Во всяком случае, эту версию нужно проверить.

– Хорошо, это мы проверим, – отозвался Крячко. – Пусть капитан Куликов этим займется. А Соболев пусть проверит фирму, которая устанавливала аппаратуру возле садика. Вот, ты нам уже два направления работы дал. Может, еще что-нибудь подскажешь?

– Вообще-то я еще не ознакомился со всеми обстоятельствами этих четырех дел, – ответил Гуров. – Но кое-что все же могу подсказать. Меня, например, удивило малое количество допрошенных. Тринадцать человек, пятьдесят человек... Разве это цифры? Я считаю, что мы должны проверить буквально всех людей, кто имел хоть какое-то касательство к погибшим, хоть немного был с ними знаком.

– Но в случае с бизнесменами речь идет о сотнях людей! – воскликнул Березин.

– А в случае с журналистом Угрюмовым их еще больше, – поддержал его Куликов. – У него только в фейсбуке числилось больше тысячи друзей.

– Ну и что тут такого? – удивился Лев. – Вот и хорошо, что много связей, о которых нам известно. Каждую из них необходимо тщательно проверить. Каждую! А еще мне кажется, что вы недостаточно проверили версию, связанную с бизнесом первых двух погибших.

– Но если мы решили, что имеем дело с маньяком, при чем здесь бизнес? – возразил Крячко.

– А кто вам сказал, что мы обязательно имеем дело с маньяком? – возразил другу Лев. – Это что, где-то на скрижалях написано? В Книге судеб? Что, если убийца только выдает себя за маньяка? Так сказать, «косит» под него? Может, он считает, что так ему будет удобнее спрятаться?

Оперативники вновь переглянулись. Их лица выражали недоумение.

– Но... как же так? – выразил общие чувства лейтенант Соболев. – А как же все эти действия, типичные для маньяков? Крест, нарисованный на лбу Гурьянова, колбаса за пазухой у Касимова, заяц на заднем сиденье... А записки, найденные на телах Конягина и Угрюмова? Обычные убийцы так не поступают!

– Я и не говорю, что мы имеем дело с обычным убийцей, – ответил Гуров. – Наоборот, перед нами крайне необычный преступник. Преступник, имеющий, так сказать, свой особый почерк. Он вроде маньяк, а вроде бы и нет. Вот смотрите. У маньяка, как правило, все жертвы относятся к людям одного типа. Если это девушки, то они должны быть примерно одного телосложения, с одним цветом волос и так далее. Если мужчины, то должны походить друг на друга или же быть людьми одной профессии, похожего образа жизни. Я же пока ничего общего между погибшими не вижу. Решительно ничего общего! Общее только одно – все они жили в городе Заречье и занимали здесь не последнее положение. То есть все они были людьми достаточно известными. Но для того чтобы стать жертвами типичного маньяка, этого мало. В этом, я думаю, состоит трудность этого дела – в необычном облике преступника.

Четверо оперативников выслушали эту речь с большим вниманием. Потом майор Березин произнес:

– То есть что же получается? Убийца, которого мы ищем, – он и маньяк, и в то же время обычный киллер?

– Вроде того, – кивнул Лев. – Только киллер он все-таки необычный. И главное – мы не знаем его мотивов. Не знаем причин, по которым он убивает свои жертвы.

– Значит, ты считаешь, что мы должны сделать предельно широкую выборку? – начал Крячко. – Взять буквально всех, кто знал погибших, и всех их проверить?

– Да, с этого надо начать. А больше всего нас должны заинтересовать совпадения списков. Например, если один и тот же человек будет значиться среди знакомых и у Гурьянова, и, допустим, у журналиста Угрюмова. Работа, конечно, большая, но пока мы ее не проделаем, мы не сможем надеяться на какие-то результаты.

– Ну что же, – вздохнул Стас. – Давайте распределять погибших. Гурьянова пусть возьмет себе майор – он и так занимается им с самого начала. Касимова отдадим капитану Куликову, журналиста Угрюмова – тебе, лейтенант. А я возьму на себя прокурора Конягина.

– Я смотрю, ты не обременил себя работой, – заметил Гуров. – Прокуроры – народ замкнутый. Вряд ли у Конягина было много знакомых.

– Так я здесь человек новый, логично мне брать на себя меньший объем, – ответил на это Крячко. – Ну что, на этом первое рабочее совещание можно считать оконченным?

– Нет, подожди, – остановил его Гуров. – Вы мне дали довольно полное представление только об одном погибшем – Гурьянове. Хотелось бы знать кое-какие подробности и об остальных жертвах. Начнем с Касимова. Где он жил – в собственном доме или на квартире?

– Это пусть Куликов рассказывает, – повернулся Стас к капитану. – Он Касимовым занимался.

– Да, я с этим делом лучше знаком, – сказал тот. – Рустам Касимов, как и Гурьянов, жил в собственном доме, только совсем в другом районе, чем первый убитый. Обычная семья: жена, двое детей – обе девочки. Но дома он бывал мало, так как имел две страсти – работа и охота. То есть или разъезжал по своим магазинам и цехам, или проводил время на охоте.

– А что, ему много приходилось разъезжать? – спросил Гуров.

– Касимову принадлежали восемь магазинов, четыре колбасных цеха и еще одна фабрика. Кроме того, имелись еще склады, рабочее общежитие...

– И все в разных местах?

– Да, объекты разбросаны по всему городу. Цеха были небольшие, при этом все они находились на окраинах.

– А магазины? Они что, тоже были на окраинах?

– Нет, магазины, наоборот, в основном сосредоточены в центре.

– И кому досталось все это богатство – жене?

– Да, имущество после смерти Касимова перешло к его супруге. У Гурьянова, кстати, тоже так дело обстоит. Но вы же не станете подозревать жен, что это они организовали убийства мужей?

– Нет, не буду. Это было бы слишком невероятно, просто Голливуд какой-то. Меня интересовало другое. Значит, имущество Касимова было сильно разбросано, и ему приходилось много разъезжать... А какая, кстати, у него была машина?

– Наша, отечественная, – ответил капитан. – Джип «Патриот».

– И в этом джипе его и нашли задушенным... Кстати, еще один знак – машина тоже участвует в ритуале убийцы. Так, теперь немного о прокуроре Конягине. Его, как я знаю, долго волочили по снегу на снегоходе, а потом бросили замерзать. Стало быть, Конягин был любителем зимних прогулок?

На этот вопрос взялся ответить лейтенант Соболев.

– Михаил Конягин любил зимой кататься на снегоходе, а летом – на катере, – объяснил он. – И то, и другое у него было достаточно мощное.

– Такие прогулки редко устраивают в одиночестве, – заметил Лев. – Обычно организуется компания. А как в этом случае?

– Компания у Конягина действительно была, – подтвердил лейтенант. – Все свои, тоже работники прокуратуры с женами. Всего собиралось шесть-восемь человек. В компании был еще один снегоход – у следователя Вершинина. С этой техникой друзья выезжали на спортивную базу «Столбы». Там катались, иногда устраивали соревнования по фигурному вождению снегоходов, потом жарили шашлыки... Ну, все как обычно. А летом тоже ездили вместе, но уже на Каму, на турбазу «Родник». Там Конягин хранил свой катер. Катались, ловили рыбу, отдыхали...

– Понятно, – кивнул Гуров. – Какие отношения были в этой компании? Может, там имелось скрытое соперничество? Противоречия?

– Я тоже об этом подумал в первую очередь, – ответил лейтенант, – и очень тщательно все проверил. Это было нелегко, поверьте. Там все следователи, прокуроры, а я их спрашиваю, не подсиживали ли они друг друга... Меня чуть ли не по матери посылали. Но в итоге я выяснил, что отношения в группе были вполне дружеские. Конягин был у них лидером, именно он сформировал эту группу.

– И ты, конечно, просмотрел все последние дела, которые вел убитый прокурор?

– Да, просмотрел, а еще поговорил со всеми, кто в этих делах фигурировал. И в итоге – снова ничего.

– Ладно. А кто занимался журналистом?

– Тут снова я, – отозвался капитан Куликов. – Ну, остальные тоже участвовали.

– И как же вы действовали? Ведь у погибшего, ты говорил, была тысяча знакомых только в Интернете?

– Но он не со всеми поддерживал контакт, – отвечал Куликов. – Были знакомые, так сказать, чисто формальные. Их мы не проверяли. А вот тех, о ком он писал – так сказать, героев его публикаций, – их мы всех проверили.

– Интересно, не нашлось среди них людей, которые уже встречались при проверке других погибших? – поинтересовался Гуров.

– Почему же, нашлись. Ведь Угрюмов много писал о бизнесе, встречался практически со всеми известными предпринимателями Заречья. Мы насчитали семьдесят с лишним фамилий людей, которые были знакомы и ему, и Гурьянову с Касимовым, и всех их постарались проверить. Но вскоре выяснили, что никто из них не имеет отношения к убийствам.

– Итак, круг замкнулся, – констатировал Гуров. – Вы всех проверили, и все оказались ни при чем. И как вы думаете, какой из этого следует вывод?

– Я даже не знаю... – пожал плечами Куликов. – Может, мы мало сотрудников подключаем к проверкам?

– Нет, вы просто плохо проверяли! – воскликнул Лев. – Не копали достаточно глубоко! А здесь надо – глубоко!

Глава 4

Гуров встал, потянулся и проговорил:

– Ладно, засиделся я с вами, вон, уже ночь на дворе. Помнится, ты, Стас, обещал определить меня на постой. Давай, поехали определяться.

– А нам чем заниматься? – спросил майор Березин. – Над чем сейчас работать?

– Сейчас, я думаю, только над собой, – ответил Лев. – Время девятый час, рабочий день закончился. А завтра с утра беритесь за дело. Вы что, уже забыли, что я говорил? У вас три направления работы. Нужно проверить фирму, которая устанавливала камеры наблюдения возле детского сада. Убийца точно знал, что машина Гурьянова, в багажнике которой лежал труп хозяина, не попадет в их поле зрения. Откуда такая уверенность? Дальше. Нужно осторожно посмотреть, нет ли среди сотрудников полиции человека, который мог быть причастен к убийствам. Не думаю, что это может быть человек, работающий в самом Управлении, скорее, в одном из райотделов или в какой-либо службе. И, наконец, нужно расширить круг поисков и тщательно проверить всех – повторяю, всех! – людей, входивших в контакт с убитыми. Это сотни человек! Так что работы вам хватит. А я ночью подумаю, раскину мозгами и, возможно, к утру подкину вам какое-нибудь новое направление поисков. Так что без работы не останетесь.

Дав оперативникам такое напутствие, Гуров в сопровождении Крячко покинул Управление. Садясь в машину, он спросил:

– И куда же ты меня определил?

– В одну скромную, но хорошую гостиницу «Таганай», – ответил Стас. – Это у них здешний лесопарк так называется. Горы, родники и все такое. Но что это ты стал гостиницами интересоваться? Раньше тебе было все равно, где жить.

– Мне интересно не где я буду спать, а где я буду думать, – усмехнулся Лев. – Кстати, ты тоже можешь принять участие в этом процессе.

– То есть ты предлагаешь подумать вместе?

– Разумеется. Мы же всегда с тобой так работали. А как вы тут работали, я просто не понимаю. Я слушал ребят и просто диву давался: как так можно действовать? Никакого плана, никакого ясного понимания проблемы... Честно говоря, ты меня, Стас, удивил. Я ожидал, что ты дашь этим ребятам более системный подход.

– Да, я тут заторопился, – признался Крячко. – Меня сюда прислали, чтобы я дал быстрый результат. И когда ознакомился с делом, мне все время казалось, что отгадка где-то рядом, что еще немного, еще пару дней – и мы найдем убийцу. А он все не находился...

– Ты должен помнить, что в сложных делах так часто случается, – напомнил Лев. – Все время кажется, что отгадка где-то рядом. И потом, когда мы находили преступников, оказывалось, что они действительно рядом. Но чтобы найти находящееся рядом, иногда нужно расширить круг поисков и начинать издалека. В общем, это все известные вещи. Ага! Значит, – воскликнул он, – это и есть твоя гостиница с лесопарком?

Крячко как раз остановил машину перед зданием современной постройки. В своей передней части здание имело четыре этажа, а затем поднималось уступами еще на три.

– Да, это и есть «Таганай», – ответил он. – Значит, ты предлагаешь мне подняться с тобой, посидеть, порассуждать?

– А ты что, спать, что ли, уже наметил? – удивился Лев. – Время совсем детское. Да, надо раскинуть мозгами.

В вестибюле он оформил проживание, получил ключ от номера, и они вдвоем с Крячко поднялись на третий этаж. В номере Лев первым делом поставил чайник, расставил чашки, затем стал раскладывать вещи. Тут и чайник забурлил, можно было заваривать чай. Сыщики налили себе чаю, сели за стол, и Крячко спросил:

– Так ты хочешь более подробно обсудить эти три направления, о которых говорил в Управлении? Искать фирму, устанавливающую камеры наблюдения, искать «крота» среди полицейских и опрашивать широкий круг знакомых убитых?

– Нет, не все три направления, – покачал головой Гуров. – О первых двух, на мой взгляд, и говорить нечего. Возможно, мы найдем какого-то оператора, который как-то странно сузил поле зрения одной из камер. И если мы к нему пристанем, он признается, что сделал это за деньги. Но сможет ли он подробно описать человека, от которого получил деньги? Будет ли это ясный след? Боюсь, что нет. То же самое с «кротом». Запомни, Стас: наш убийца – человек крайне осторожный и расчетливый. Он ни за что не будет «светиться» перед посторонними. Так что из первых двух направлений мы вряд ли что узнаем. Нет, все мои надежды связаны с третьим направлением – с кропотливым просеиванием сотен людей, которые входили в контакт с убитыми. Так мы можем прямо выйти на убийцу.

– Рассчитываешь выйти на него прямо? – уточнил Крячко. – То есть ты не думаешь, что мы имеем дело лишь с заказчиком?

– Нет в этих делах никаких заказчиков, равно как и организаторов, – уверенно заявил Гуров. – Я, кажется, это уже говорил там, в Управлении, и готов повторить: мы имеем дело с одиночкой. Или ты считаешь, что заказчик заказывал не только само убийство, но и его способ? А организатор подвозил киллеру колбасу и зайцев, писал для другого киллера предсмертные записки? Нет, подобные преступления задумывает, организует и совершает один человек. И если мы раскинем нашу сеть достаточно широко, он обязательно окажется в этой сети.

– Но как мы распознаем, что это он? – засомневался Стас. – Ведь мы до твоего приезда допросили несколько десятков человек, и все они оказались непричастными к убийствам. В результате всех пришлось отпустить...

– А вот этим мы сейчас с тобой и займемся, попробуем составить список критериев, которым должен отвечать убийца. Там должны быть признаки обязательные, а могут оказаться и необязательные, но возможные.

– То есть ты хочешь составить нечто вроде портрета убийцы?

– Да, его словесный портрет. Начнем с базовых различий. Например, считаем ли мы, что убийца – обязательно мужчина или это может быть и женщина?

Крячко задумался, потом тряхнул головой и произнес:

– Нет, женщина все-таки не подходит. Во-первых, нужна большая сила. Оглушить здрового мужика, Гурьянова, ударом по голове женщина может, а вот задушить Касимова буксировочным тросом – это должна быть какая-то дама – борец сумо! Нет, я такую не представляю.

– Согласен с тобой, – кивнул Гуров. – Замечу, что и остальные двое убитых тоже были мужиками не слабыми. И потом, известно, что маньяки не бывают женщинами. Это всегда мужчина. Значит, мы ищем мужика... А сколько ему лет, по-твоему?

И снова Крячко погрузился в раздумья. Он даже шептал что-то по себя. Потом заявил:

– Возрастной диапазон может быть довольно широкий – от 25 до 55 лет. Меньше 25 быть не может – ни опыта не хватит, ни положения в обществе, которое позволит приблизиться к жертвам.

– Опять согласен. Я бы только добавил к верхнему пределу еще лет десять. Не зря нашим пенсионерам десять лет прибавили. До 65 лет очень даже крепкие мужики бывают. Ну а опыту, знаниям людей в этом возрасте только позавидовать можно. Итак, наш убийца – мужик в расцвете сил, местный, зареченский...

– А это ты как установил?

– Из тех знаков, которые он оставлял на телах жертв. Он достаточно хорошо успел изучить каждого человека, которого собирался убить, собрал о каждом кучу сведений. Невозможно, чтобы это мог сделать командированный, который наезжает в Заречье время от

времени. Значит, это человек местный, причем он хорошо знает и мир бизнеса, и правоохранные круги, и пишущую братию. Везде он вхож! Интересный типаж!

Гуров отодвинул опустевший стакан, поднялся и принялся расхаживать по номеру, как делал всегда, когда глубоко задумывался.

– Везде он вхож, всех знает, – продолжал он. – И память у него хорошая: запоминает многие мелочи, которые могут ему пригодиться. Такой человек не может находиться где-то внизу социальной лестницы. Нет, он не мусор убирает, не машины моет. Или он находится на госслужбе, или занимается бизнесом, или...

– Если на госслужбе – может, в полиции? – предположил Крячко.

– Может, и в полиции или где-то близко... хотя мне почему-то в это не верится, – покачал головой Лев. – Я не хочу сказать, что в наши ряды не мог затесаться убийца. Просто интуиция мне подсказывает, что так близко к нам он не подобрался.

– Подожди, я тебя перебил, – вспомнил Крячко. – Ты говорил: «Или на госслужбе, или в бизнесе, или...» Что – «или»? Где еще ты его видишь?

– Я подумал, что человек с таким развитым воображением мог быть близок к искусству. Он может быть артистом одного из здешних театров, или художником, или музыкантом. Или даже писателем – если, конечно, в Заречье имеются писатели.

– А что, интересная мысль! – воскликнул Стас. – Мне такое в голову не приходило. А ведь это возможно. Кроме всего прочего, артист или музыкант легко может познакомиться с любым человеком, даже с прокурором.

– Вот именно! Так что мир искусства нельзя оставить без внимания. Сколько в Заречье театров?

– Театров? Кажется, тут есть опера, драма... А вообще, понятия не имею.

– Вот видишь! – наставительно поднял палец Лев. – А придется узнать. Надо составить полный список тех учреждений, предприятий, где может трудиться убийца. Но главный путь поисков все же лежит через знакомства погибших. Берешь одного человека, общавшегося с Гурьяновым или Угрюмовым, и спрашиваешь его обо всех, с кем еще был знаком погибший. Он называет, допустим, тридцать человек. Берешь эти тридцать и у каждого спрашиваешь те же самые сведения. Так постепенно составится полный список по каждому.

– А потом мы возьмем эти списки и сопоставим их! Конечно, ты прав! Надо было это сделать с самого начала! Если какой-то человек будет встречаться во всех четырех списках, то он, скорее всего, и есть тот, кто нас интересует.

– Учти, что во всех четырех списках он вряд ли окажется, – предупредил Гуров.

– Как же так? Разве можно убить человека, не будучи с ним знакомым? Ну, конечно, в пьяной драке можно, но у нас-то речь идет не о пьяной драке! Ты сам говорил, что убийца показывает редкую осведомленность, знает жизнь своих жертв в подробностях!

– А разве нельзя изучить жизнь будущей жертвы, самому оставаясь в тени? Вполне можно. Так что в каком-то случае изучение списка знакомых может нам ничего не дать, но в других случаях – даст нам имя убийцы.

– Ты меня совсем запутал, – признался Стас. – Если все обстоит так, как ты говоришь, если мы имеем дело с маньяком, который подглядывает за жертвами исподтишка, а потом внезапно наносит удар, то мы его не найдем ни в одном списке. А ты говоришь, что мы найдем убийцу по этим спискам.

– Я так надеюсь на списки знакомых, потому что, как я уже говорил, мы имеем дело не с классическим маньяком, – объяснил Гуров. – Классический маньяк не имеет причин, чтобы убить конкретного человека, у него есть только раздражающий его типаж, некий фактор, заставляющий его действовать. А здесь – четыре жертвы, которые имеют между собой довольно мало общего. Способы убийства везде разные. К тому же между третьим и четвертым

убийством существует перерыв почти в полтора года. Значит, тут не один типаж, тут у каждого убийства имеется некая причина. И это выводит нас на важнейший вопрос о причинах убийств.

– Причины... – задумчиво произнес Крячко. – Да, мы с ребятами о них говорили. Березин признался, что над этими причинами он голову сломал. Потому что нельзя найти никакой общей причины, которая объединяла бы всех четверых! В случае с бизнесменами мог быть какой-то конфликт из-за бизнеса – ну, конкуренция, или место выгодное занял, или еще что. Прокурор мог выйти на убийцу, начать под него копать. Но вряд ли он копал там же, где был конфликт с Гурьяновым и Касимовым. А журналист? Он что, тоже копал?

– А вы, кстати, проверяли эту версию? – встрепенулся Лев. – Смотрели дела, которыми в последнее время перед смертью занимался Конягин, сравнивали их с темами расследований Угрюмова?

– Все это мы делали, – заверил его Крячко. – И дела смотрели, и темы журналистских расследований тоже смотрели.

– Неужели ничего не совпадает?

– Ну, как сказать... Угрюмов ведь многим занимался. Кое-какие темы он только обозначил, статьи по ним так и остались не написанными. И если брать все вместе – и то, что было опубликовано, и то, о чем он только собирался писать, – там, пожалуй, найдется пара общих тем с проверками, которыми занимался Конягин. Но нигде нет фигурантов, которыми бы они оба интересовались.

– Да, согласен, вопрос о причинах убийств – самый сложный. Но разгадать эту загадку нам необходимо. Возможно, одно какое-то убийство наш маньяк совершил для отвода глаз, чтобы нас сильнее запутать. А заодно удовлетворить свою страсть к убийствам. Но остальные должны иметь причины. В общем, завтра начинаем составление тех самых списков.

– И какую из жертв ты возьмешь на себя? – спросил Крячко. – Может, прокурора? А то им занимался этот мальчик, Соболев, и он уж точно не копал глубоко.

– Хорошо, давай я возьму на себя прокурора, – согласился Гуров. – А ты займись самой первой жертвой, Гурьяновым. Мне кажется, майор Березин, при всей его дотошности, где-то там недосмотрел. А майору я позвоню и скажу, чтобы он занимался Касимовым. А капитан и лейтенант вместе пусть закинут сеть на Угрюмова. Только знаешь что? В ходе этой проверки не обращай такое уж большое внимание на алиби подозреваемых.

– Не смотреть на алиби? – удивился Стас. – А в чем тогда вообще смысл проверки? Как тогда отсеивать непричастных? И почему мы не должны доверять алиби?

– Потому что это алиби может быть заранее организовано, – объяснил Гуров. – Ты ведь знаешь, как это бывает. Человек намечает совершить преступление. Осматривает место, продумывает детали. В том числе подбирает людей, которые могли бы «видеть» его в нужное время в другом месте. Где-то можно подвести часы, где-то включить диктофон с собственным голосом... да много чего можно придумать! Так что с ходу полагаться на алиби не стоит.

– Да, трудную задачу ты поставил... – покачал головой Стас.

– А у нас с тобой других и не бывает, – заметил Гуров. – Ладно, давай расходиться. Будем считать, что мозговой штурм закончился. Надо отдохнуть перед настоящей работой.

Глава 5

На следующий день рано утром Гуров явился в здание областной прокуратуры и направился в кабинет областного прокурора Сытника. Правда, ему пришлось четверть часа ждать – руководитель зареченской прокуратуры еще не пришел на работу. Но вот наконец Матвей Сытник появился, и они с Гуровым прошли в кабинет. Здесь Лев представился и сообщил, зачем пришел.

– Как вы знаете, в феврале прошлого года был убит ваш сотрудник, прокурор Михаил Конягин, – сказал он. – Убийство так и осталось не раскрытым. Меня прислали из Москвы с четким заданием – раскрыть все совершенные здесь убийства и найти преступника. Сейчас я намерен изучить убийство вашего коллеги. Мне нужно ознакомиться с делами, которые он вел, поговорить с его товарищами, со всеми, кто его знал. Я надеюсь на вашу помощь.

– Да, конечно, мы окажем вам всю возможную помощь, – ответил Сытник. – Я очень рад, что Москва прислала настоящего специалиста, способного раскрыть это преступление. Это позор для нашей полиции, для нас, сотрудников прокуратуры, что мы за полтора года не смогли раскрыть убийство нашего товарища. Когда я думаю об этом, представляю обстоятельства смерти Михаила, у меня кровь закипает от ярости. Так что вы можете рассчитывать на любое содействие с нашей стороны.

– Очень рад, – слегка улыбнулся Гуров. – Я был бы признателен, если бы мне выделили рабочее место с компьютером и познакомили с кем-то из коллег погибшего, кто его хорошо знал. Он введет меня в курс дела. А уж дальше я сам буду смотреть, что мне нужно.

– С кем-то из коллег... – задумчиво повторил Сытник. – Давайте я прикреплю к вам Максима Полторанина. Он был наиболее близок к Конягину, они встречались, проводили вместе свободное время. Так что Максим сможет вам ответить на вопросы, которые касаются не только работы, но и досуга Михаила.

Спустя несколько минут в кабинет вошел высокий молодой человек в прокурорской форме. Сытник познакомил его с Гуровым и объяснил задачу.

– Очень хорошо, – кивнул Максим. Голос у него был низкий, звучный – настоящий баритон. – Пойдемте ко мне, там вам будет удобно.

Они поднялись этажом выше и вошли в скромный кабинет Полторанина. Гуров сел напротив прокурора, и тот сразу приступил к делу.

– Как я понимаю, вас интересуют дела, которые Михаил вел в последние месяцы перед гибелью? Мне уже задавали этот вопрос наши местные оперативники, и я по их просьбе заготовил список этих дел. Вот он. – И Максим протянул Гурову распечатанный на принтере листок.

Лев быстро пробежал его глазами. Дел в списке было не слишком много – два десятка. У себя на работе он привык, что за несколько месяцев приходится заниматься вдвое большим количеством преступлений.

– Вы можете точно сказать, какой период охватывает этот список? – спросил он.

– Самое первое дело из списка датировано октябрём, – ответил Полторанин. – То есть он охватывает четыре месяца. Если этого недостаточно, скажите, я подниму дела за более ранний период.

– Нет, четыре месяца, пожалуй, достаточно. Я вижу, здесь в основном дела о мошенничестве, подлоге, коммерческом подкупе. Значит, Конягин занимался экономическими преступлениями?

– Да, он специализировался на нарушениях в сфере экономики.

– А не было в его практике, чтобы кто-то из фигурантов дел, которые он рассматривал, ему угрожал?

– Нет, Михаил никогда ни о чем таком не говорил, – покачал головой Полторанин. – А поскольку мы общались не только на работе, но и у него дома – прямо скажу, много общались, – то я могу уверенно ответить, что таких случаев не было. У нас в прокуратуре таких случаев вообще почти не бывает. Я понимаю, вы вспоминаете свой опыт. У вас в полиции, наверное, такое происходит чаще. Но у нас другой контингент. Фигуранты наших дел, как правило, – люди опытные, денежные. Они привыкли взвешивать свои слова и поступки, поэтому на такой опрометчивый шаг, как угрозы в адрес прокурора, не идут.

– Значит, угроз не было... – задумчиво произнес Гуров. – Выходит, придется знакомиться со всеми этими делами подробно. В таком случае, может, укажете компьютер, где бы я мог открывать и смотреть эти дела? Или они у вас в бумажном виде?

– Угадали. Пока что у нас все в основном в бумажных папках. Занимайте вон тот стол, и я вам сейчас сгружу все два десятка дел.

– Погодите, давайте еще минутку пообщаемся, прежде чем я засяду за бумажную работу, – остановил Лев прокурора. – Вы сказали, что встречались с Конягиным не только на работе, но и дома, в часы отдыха. Значит, вы входили в компанию, в которую входил также, по моим сведениям, следователь Вершинин?

– Да, это был постоянный состав нашей компании: Конягин, Вершинин и я. С женами, конечно, иногда и с детьми.

– А там, на отдыхе, Конягин не упоминал о каких-либо странностях, связанных с работой? Не говорил, что кто-то за ним следит?

Полторанин задумался.

– Слежка... Чье-то постоянное внимание... Нет, знаете, я такого не припомню... Кажется, ничего такого не было...

– Ладно, оставим эту тему. Но если вспомните подобный эпизод – обязательно скажите мне. Это может быть очень важно.

После этого, уже ни на что не отвлекаясь, Гуров уселся за стол в углу. Прокурор извлек из сейфа одну за другой два десятка папок с делами, водрузил их перед сыщиком и, вернувшись за свой стол, тут же принялся звонить кому-то по телефону. А Лев его уже не слышал, так как целиком сосредоточился на главной задаче – на изучении лежавших перед ним папок.

На самом верху лежала папка с делом о систематическом завышении объемов выполненных работ при выполнении муниципального заказа – укладке тротуарной плитки в пешеходной зоне города. Он листал акты, объяснительные записки, протоколы допросов, заключения экспертов. Обратил внимание на сумму ущерба, которую город требовал взыскать с фирмы, укладывавшей плитку, – свыше двадцати миллионов рублей. «Да, за такие деньги можно убить. Да что там – можно убить и за гораздо меньшие деньги. Только какой в этом смысл? Подрядчик дело проиграл, деньги, хотя и в меньшем объеме, с него взыскали. Только из мести? Нет, так не бывает. Не то, не то...»

Он взял следующую папку. Тут содержалось более сложное, запутанное дело о долевом строительстве. Подрядчика, строительную фирму, обвиняли в мошенничестве. И сумма здесь значилась гораздо более внушительная, чем в истории с плиткой, – тут речь шла уже о пятидесяти миллионах. На этом деле Гуров застрял почти на час – пришлось вникать во все перипетии этой запутанной истории. А в итоге оказалось, что прокурор Конягин не поддержал обвинение в мошенничестве. Он счел, что подрядчик допустил ряд нарушений, и вынес постановление об их устранении. В итоге подрядчик потерял лишь несколько миллионов – ему пришлось переоформить несколько квартир.

«Ну, тут застройщик должен прокурора не убивать, а памятник ему ставить, – подумал Лев. – Так что для моих целей это дело тоже не годится».

Следующие несколько дел тоже не дали ему пищу для дальнейшего расследования. В одном случае владелец небольшого магазина, расположенного в подвале, жаловался на владе-

лицу здания, некую Ирину Мельникову, что она грубо нарушает договор аренды, создает препятствия для работы магазина, добиваясь, чтобы владелец закрыл свою торговую точку и убрался на все четыре стороны. Оказывается, у госпожи Мельниковой возникли какие-то новые планы по использованию здания. Прокурор Конягин вник в существо спора и решил, что владелец магазина прав – его права, как арендатора, грубо нарушены. Пришлось Ирине Мельниковой оставить его в покое. Да, хозяйка дома была ущемлена, но дело было слишком мелкое, к тому же потерпевшей стороной была женщина, и ее вряд ли можно записать в список возможных убийц.

В другом деле шла речь о нарушении «красной линии» городской застройки. Жители нескольких домов по улице Революционной жаловались, что хозяин возводимого на улице нового дома захватил больше метра тротуара, нарушил «красную черту». «Уже сейчас, когда идет строительство, по тротуару стало невозможно пройти, – писали жители в своей жалобе. – А когда дом построят, как нам стало известно, на первом этаже откроют магазин. Выставят на тротуар рекламный стенд, еще что-нибудь, и опять у нас прохода не будет». И в этом случае прокурор встал на сторону жалобщиков. Конягин привлек городской комитет по архитектуре, инспекцию по строительству, те проверили жалобу и сочли ее совершенно справедливой. Застройщик, некий Геннадий Харченко, действительно захватил часть городской земли и нарушил «красную линию». Конягин был беспощаден: он потребовал полностью снести возводимое здание и строить его заново, без нарушений. Застройщик пробовал протестовать, но ничего не добился. Однако он нашел выход из положения: поскольку стройка была в самом начале, он не стал ничего сносить, просто изменил проект и заасфальтировал часть фундамента, выходящую за «красную линию». Дом стал уже, площадь его меньше, но закон был соблюден.

И весь этот конфликт происходил в январе-феврале, непосредственно перед гибелью Михаила Конягина. Гуров решил, что в этом случае застройщик Харченко мог затаить злобу на прокурора, который ввел его в значительные расходы, и уже собрался было занести Харченко в список подозреваемых, но сначала решил проверить, чем занимается этот застройщик в настоящее время. И выяснил, во-первых, что Геннадий Харченко – человек весьма преклонного возраста, ему около 80 лет. А во-вторых, сразу после конфликта с жильцами он продал новостройку другому хозяину, удалился от дел и больше никаким бизнесом не занимается. Как удалось установить Гурову, Геннадий Харченко в настоящее время тяжело болен и прикован к постели. Стало быть, он никак не мог быть причастным к убийству журналиста Угрюмова, да и с прокурором Конягиным, здоровым мужиком в расцвете сил, вряд ли мог справиться. Это дело тоже пришлось отложить в сторону.

Правда, после этих «пустышек» Льву улыбнулась удача: в следующих делах просматривалась заинтересованность их фигурантов в устранении прокурора. Одно дело касалось захвата значительного отрезка речного берега, на котором захватчик, некий Стрелюхин, решил возвести большую базу отдыха. В другом случае речь шла о пожаре в старом жилом доме. Жильцы дома, написавшие жалобу в прокуратуру, подозревали в качестве причины пожара поджог и называли виновного – владельца торгового комплекса «Райский сад» Воробьева. Как оказалось, этого Воробьева, строившего магазины и развлекательные комплексы в разных концах города, уже раньше подозревали в поджогах. Про него говорили, что таким образом Игорь Воробьев расчищает площадки для будущего строительства. Прокурор Конягин счел эти обвинения жильцов обоснованными и возбудил против Воробьева уголовное дело по обвинению в поджоге.

«Горячо! – мысленно воскликнул Лев, – прочитав об этом. – Тут настоящий конфликт. Интересно, а на какой стадии находится это дело сегодня?» Он дождался, когда Полторанин закончит телефонный разговор, и спросил, не знает ли он о деле Игоря Воробьева.

– Почему же, знаю, – ответил Максим. – Дело расследуется, хотя и с трудом. Сейчас, после гибели Михаила, его курирует другой наш сотрудник, Никита Рейник.

– А почему дело расследуется с трудом? В чем тут трудность?

– В показаниях свидетелей и потерпевших, – объяснил прокурор. – Они то и дело меняют свои показания. То говорят, что видели на месте пожара людей с канистрами, то заявляют, что им это показалось и никаких поджигателей не было.

– И что же заставляет людей так резко менять показания? Память их, что ли, подводит?

– Никита считает, что подводит их не память, а жадность. Попросту говоря, Воробьев их подкупает, вот они и отказываются от своих слов.

– А где сейчас находится Воробьев? Разве не в СИЗО?

– Нет, он у нас живет под подпиской о невыезде. В свое время Михаил запрашивал для него домашний арест, однако суд с ним не согласился.

– Та-а-ак... – протянул Лев и вписал фамилию Воробьева в свой список под номером первым.

– Заодно просветите меня насчет некоего Стрелюхина, – попросил он прокурора. – Тут я обнаружил дело, заведенное еще в ноябре, о том, что этот Стрелюхин захватил часть берега Камы, чтобы построить там базу отдыха.

– Что, Михаил завел против него уголовное дело? – несколько удивился Полторанин.

Гуров заглянул в нужную папку и покачал головой:

– Нет, я неточно выразился. Просто к вам в прокуратуру поступил сигнал о захвате части берега, и Конягин начал этот сигнал проверять. О возбуждении дела тут речь пока не идет.

– Ну, насколько я знаю, дело и не было возбуждено, – ответил прокурор. – Я точно не знаю, но мне кажется, что по местному радио идут рекламные передачи, которые предлагают отдых на этой турбазе. Так что она, видимо, уже построена.

«А вот это совсем интересно, – подумал Гуров. – Ведь как выглядят события в этом случае? В ноябре прокурору Конягину поступает сигнал о захвате части берега Камы. Он начинает расследование, которое грозит будущему владельцу базы Стрелюхину крупными неприятностями. Понятно, что зимой трудно установить, насколько отгорожен берег для посторонних. А вот весной, когда сойдет снег, Конягин, при его дотошности (а он, как я успел убедиться, был человеком дотошным), обязательно бы проверил этот сигнал. Но этого не случилось. Почему? А потому, что в феврале прокурора убили... И, кажется, мы знаем человека, которому была выгодна его смерть. Это надо проверить...»

И он вписал Марата Стрелюхина под номером вторым.

Тут он заметил, что хозяин кабинета поднялся, убрал бумаги в сейф и запер его.

– Иду на обед, – сказал Максим. – Как говорят англичане, война войной, а обед по расписанию. Пойдемте, я покажу вам хорошее кафе, причем совсем рядом.

– Обед? – переспросил Гуров. – Но ведь это сколько времени займет! Нет, обед – это настоящее расточительство. Слушайте, а у вас здесь, в прокуратуре, есть какой-нибудь буфет? Есть? Вот и отлично! Попросите девушку, что сидит в приемной у областного прокурора, пусть она принесет мне из буфета стакан чая и какой-нибудь бутерброд. Сделаете? Замечательно!

Глава 6

Спустя некоторое время секретарша действительно принесла сыщику чай и тарелку с двумя бутербродами. Он поблагодарил, расплатился и, перекусив, вновь принялся за папки с делами. В шесть вечера хозяин кабинета Полторанин засобирался домой, однако Гуров и не думал последовать за ним. Он договорился, что, закончив работу, отнесет папки с делами дежурному на первом этаже (оставлять их лежать на столе Полторанин считал невозможным). После этого прокурор ушел, а Гуров остался. И лишь прочитав последнюю папку, он потянулся и взглянул на часы. Они показывали начало одиннадцатого.

– Однако! – пробормотал себе под нос Лев. – Кажется, я заработался.

Он сложил папки, сунул в карман листок со списком подозреваемых (главный результат всех сегодняшних усилий) и двинулся вниз. Выйдя из здания прокуратуры, набрал номер Крячко и спросил:

– Ну как у тебя дела?

– Кое-какие результаты есть, – сдержанно ответил Стас.

– У меня тоже кое-что есть. Может, обменяемся результатами?

– В таком случае давай встретимся у тебя в номере, – сказал Крячко. – Меня поселили в ведомственной гостинице, здесь комната маленькая и чайника нет. А я бы сейчас с удовольствием попил чаю.

– Я тоже бы от этого не отказался, – проговорил Гуров. – Давай так: как доберусь до своего номера, поставлю чайник, к твоему приезду он уже будет готов.

И действительно, когда Стас вошел в номер, Лев уже не только заварил чай, но и расставил чашки.

– Тут у меня еще сюрприз от Марии имеется, – заявил он, открывая портфель и доставая банку. Знаешь, что это? Малиновое варенье! Мария сама варила. Так что чай у нас будет не пустой.

Друзья сделали по несколько глотков, отведали варенья, после чего Крячко спросил:

– Ну и чего ты молчишь? Давай рассказывай о своих успехах. Нашел подозреваемых?

– Нашел, – ответил Гуров. – И не одного, а двенадцать человек.

– Надо же, целая дюжина! – восхитился Крячко. – Что, правда подозрительные типы?

– Не знаю, подозрительные они или нет, я их лично не видел, но у каждого была причина желать смерти Михаила Конягина. Кто-то потерял по вине прокурора деньги, а кто-то мог потерять. Этих я выделил особо. Например, предпринимателя Стрелюхина. А еще есть владелец таксопарка Цыплаков. Ему тоже «светило» уголовное дело. А когда Конягина убили, дело спустили на тормозах, главный таксист избежал наказания. В общем, завтра буду встречаться со всеми двенадцатью, посмотрю, что за люди. А у тебя какие результаты?

– Я занимался только теми людьми, которые сталкивались с Гурьяновым по делам бизнеса. И таких у меня набралось не двенадцать, как у тебя, а целых сорок человек.

– Сорок подозреваемых?! – не поверил Гуров.

– Ну, ведь ты сам велел никого не отсеивать! – пожал плечами Стас. – Сам говорил: «Берите как можно шире». Вот я и старался брать максимально широко.

– Значит, у Гурьянова в области бизнеса было много контактов? – уточнил Гуров.

– Не то слово. Контактных было в пять раз больше. Но я брал только тех, у кого могли быть с убитым какие-то противоречия. Заметь, я не говорю «были противоречия», я говорю «могли быть».

– Я понял. И что же это за люди?

– Как ты, наверное, помнишь, Гурьянов занимался развитием сетей Интернета. Он разработал собственный усилитель сигнала, наладил его производство. И большинство его кон-

тактов связано именно с этой сферой – с производством усилителей, рекламой этой продукции, установкой усилителей в домах клиентов, покупкой запчастей для производства...

– Да, все это я помню, – кивнул Лев. – А еще я помню, что Березин и его друзья задержали двоих партнеров Гурьянова, которые признались, что бизнес покойного им мешал. Но позже задержанных пришлось отпустить. Вот, Березин задержал двоих, а у тебя в списке целых сорок человек. Откуда такая разница?

– Я же говорю – выполнял твою установку проверять всех, – объяснил Крячко. – Я заносил людей в список порой по самым пустячным поводам. Например, один человек попал туда, потому что систематически задерживал поставки комплектующих для фирмы Гурьянова, и тот в конце концов потребовал с поставщика неустойку. Сумма там ничтожная, ста тысяч не наберется, но все же конфликт. Другому Гурьянов мешал развивать бизнес по установке новых дорогих антенн. И этот человек, его фамилия Стрижак, посылал нанятых людей, чтобы они срывали с подъездов и столбов объявления Гурьянова. А пару раз его ребята избили промоутеров гурьяновской фирмы.

– Ну, я бы не назвал этот конфликт мелким, – заметил Гуров. – По-моему, это вполне полноценное столкновение. Как, говоришь, фамилия этого установщика антенн?

– Анатолий Стрижак его зовут.

– Надо запомнить. Вполне годится как кандидат в убийцы. А остальные? У них тоже были с покойным похожие конфликты?

– Нет, больше ничего такого серьезного не было. Человек десять из моего списка – это жильцы многоэтажных домов, которые возражали против того, чтобы Гурьянов устанавливал свои усилители сигнала на лестничных площадках. Дескать, они портят вид, и вообще, от них излучение идет. Против них он действовал исключительно убеждением, а если не получалось, отступал и переносил усилители ближе к дверям клиентов. Там были свои сложности, иногда возникали конфликты с управляющими компаниями, но в итоге все как-то разрешалось. Даже не знаю, правильно ли я сделал, что включил этих жалобщиков в список.

– Все правильно! – заверил его Гуров. – Я готов повторить еще раз: нам нужно раскинуть нашу сеть как можно шире, только тогда есть надежда, что мы не упустим нужную нам рыбу. Лишних ты всегда успеешь отсеять. В этом деле мы не можем надеяться на быстрый результат. Нам предстоит долгая, кропотливая работа. Ладно, расскажи, кто там еще у тебя в списке?

– Есть еще несколько человек, но все они не кажутся серьезными фигурантами, – ответил Крячко. – Например, был один застройщик, который хотел, чтобы Гурьянов продал ему участок земли, на котором наш специалист по Интернету расположил часть своего производства. Однако Гурьянов землю уступать не хотел – он вовремя ее купил, все оформил, и цех был расположен очень удобно. Застройщик некоторое время приставал к Гурьянову, потом понял, что ничего не добьется, и отстал.

– Не угрожал, не вел себя агрессивно?

– Нет, ничего такого не было.

– А как фамилия этого застройщика?

– Фамилия... – Крячко наморщил лоб. – Забыл, надо же! Хотя у меня все записано, сейчас посмотрю.

– Ладно, не нужно, – отмахнулся Лев. – Раз конфликта не было, человек этот не представляет особого интереса. Но ты его, конечно, проверь, как и остальных. А я буду проверять своих, кого выявил по Конягину. А еще завтра с утра заеду в Управление, узнаю, как идут дела у майора и его группы.

На этом друзья расстались, и Крячко поехал к себе, в ведомственную гостиницу.

Наутро Гуров, как и намечал, отправился в Управление. Майора Березина он застал на рабочем месте – тот уже приступил к работе.

– Ну как успехи? Много убийц занес в список? – спросил у него Лев.

– Да не очень много, – признался Березин. – Оказалось, что Касимов был человеком скорее нелюдимым. Они с женой вели замкнутый образ жизни. Общались в основном с родственниками. Друзей у него не было, свободное время проводил в кругу семьи. Так что в списке у меня всего восемь человек, да и то, я чувствую, все они – «пустышки». Зато у меня наметилось продвижение по другой линии.

– Это по какой же?

– Да вот вы тогда говорили насчет камер наблюдения, – стал объяснять Березин. – Что надо лучше проверить фирму, которая занимается камерами возле детского сада. И я подумал, что мы не прошерстили все без исключения камеры вокруг дома Касимовых. Их собственную камеру я сам внимательно смотрел, на ней ничего подозрительного не зафиксировано. Но ведь у кого-то из соседей наверняка тоже установлены камеры! Пусть не у всех, но хотя бы у некоторых. Я вчера отправился в тот район, стал ходить по домам и, представьте, нашел две камеры! Дом Касимовых в их поле зрения не попадает, но видны проулки, ведущие к этому дому.

– Так-так... И что же удалось увидеть на этих вновь открытых камерах?

– Я их вчера до часу ночи смотрел! – признался Березин. – И кое-что действительно увидел. А если точнее, увидел «Опель» с замазанными номерами. Это авто останавливалось то возле одного дома в том квартале, то возле другого. Но появлялось оно там регулярно в течение месяца до убийства Касимова. Вот оно, это авто, полюбуйтесь, я сделал распечатку. – И майор выложил перед сыщиком несколько снимков. Все они были несколько размытые, но «Опель» был виден отчетливо.

– Черная? – уточнил Гуров.

– Черная или темно-синяя, – ответил Березин, – точнее сказать не могу. Я, собственно, вас ждал, так и знал, что вы с утра заедете, хотел вам рассказать о новых обстоятельствах. А теперь возьму эти снимки и пойду в тот квартал, где живут Касимовы. Пройду по всем соседям, буду расспрашивать, не помнит ли кто это авто.

– Идея правильная, – согласился Гуров. – Вот только времени много прошло, люди могли и забыть.

– Да, я делаю на это поправку, – согласился Березин. – Но память у всех разная, кто-то может и помнить.

– Ладно, будем надеяться, – сказал напоследок Лев.

Березин собрался и, выйдя из кабинета, отправился в пригородный район, где жили Касимовы. А Гуров остался ждать еще двоих членов оперативной группы.

Ждать ему пришлось недолго. Буквально через десять минут дверь открылась, и в кабинет вошли капитан Куликов и лейтенант Соболев. Оперативники поприветствовали друг друга, после чего Гуров задал привычный вопрос о результатах вчерашних изысканий. Отвечать взялся Куликов, как старший.

– Мы старались выполнить ваше указание о максимально широком захвате возможных подозреваемых, – начал он. – И выяснили, что таких подозреваемых в случае с Угрюмовым – больше сотни. Мы вчера проделали только часть работы.

– А откуда брали сведения?

– Начали, конечно же, с публикаций Сергея в местной и центральной печати, – ответил капитан. – Просмотрели все статьи за последние три месяца перед его убийством. Еще полистали его записную книжку и телефон, но они мало что дали – у Сергея не было привычки пользоваться бумажным носителем, а на телефон он записывал только номера. Номера тоже, конечно, важны, мы кое-кого по ним вычислили, но ведь из номера не узнаешь, какие отношения были у владельца телефона с Угрюмовым. Так что после этого взялись за опрос друзей и коллег Сергея.

– И что, насколько велик список подозреваемых?

Куликов переглянулся с лейтенантом Соболевым и ответил:

– Да десятка два есть.

– Что это за люди?

– Люди разные. Есть предприниматели, чиновники, сотрудники полиции...

– И полицейские тоже есть?

– Да, двое. Оба из Партизанского района. Угрюмов получил откуда-то сведения, что эти двое вымогают из предпринимателей поборы. К нему в Заречье приезжали люди из района, он с ними беседовал.

– Что ж, полицейские – это серьезно, – заметил Гуров. – Так, и чем вы намерены сегодня заняться?

– Иван продолжит опрашивать коллег убитого, составлять список подозреваемых, – ответил капитан. – А я поеду в Партизанск, побеседую с этими двумя фигурантами, Светличным и Козюльковым. Если не удастся привлечь их за убийство, так, может, наберется материал для дела о вымогательстве?

– Да, тоже хорошее дело, – кивнул Лев. – Но учти, капитан: если ты на каждого подозреваемого будешь тратить сутки, то до конца списка доберешься в лучшем случае к концу месяца. Я, правда, вам говорил, что в этом деле не нужно торопиться, но месяц – слишком большой срок. Я рассчитываю, что мы уложимся в две недели, так что постарайся ускориться. Скажи, а среди предпринимателей, которых вы внесли в ваш список, встречаются такие фамилии: Стрелюхин, Цыплаков, Карагод?... – И он зачитал весь список из двенадцати подозреваемых, который сам составил накануне.

– Сейчас посмотрим, – ответил Куликов. – Ну-ка, Иван, загляни в наш кондуит.

Лейтенант открыл нужную страницу на компьютере, и трое оперативников склонились над экраном.

– Смотри-ка, вот он, Стрелюхин! – воскликнул Гуров, увидев знакомое имя. – А вот и второй человек из моего списка, Новичков. Очень интересно! Стало быть, здесь у нас пересечение...

– Да, одни и те же фамилии в двух списках – это кое-что значит, – согласился Куликов. – Только обратите внимание, товарищ полковник: Угрюмов интересовался этими людьми довольно давно. Запись о Стрелюхине датирована мартом, а о Новичкове – апрелем. Незадолго до убийства он собирался писать о других бизнесменах – о Мельникове, Ягудине, Жилине...

– Это еще ничего не значит, – покачал головой Лев. – Я часто сталкивался с журналистами, знаю, как они работают. Настоящий журналист, специалист по расследованиям, может собирать материал годами, чтобы потом, в нужный момент, написать статью. И если он писал о Стрелюхине в марте, это не значит, что он не собирался, скажем, в июне вернуться к этой несимпатичной личности, чтобы написать о ней разоблачительный материал. Стрелюхин мог об этом узнать и принять предупредительные меры. Так что я считаю, что в первую очередь нужно поинтересоваться этими пересечениями.

– Вы хотите, чтобы мы проверяли этих людей – в смысле, кто оказался на пересечении? – спросил Куликов.

– Нет, зачем же вы? Вы же сами сказали, что у вас проделана только часть работы, так что добирайте остальное. А пересечениями займусь я сам. Слушай, капитан, ты только что сказал что-то... Что-то интересное...

– О Стрелюхине? – попробовал подсказать Куликов.

– Нет, не о Стрелюхине, – ответил Гуров. – Черт, промелькнуло, и пропало. Уже забыл. Ладно, неважно.

Глава 7

Порывшись в полицейском досье, Гуров установил, что предприниматель Марат Стрелюхин владел фирмой «Уральский простор». Фирма занималась строительством и эксплуатацией разного рода заведений сферы отдыха: турбаз, гостиниц, аттракционов и прочих объектов того же рода. Контора фирмы находилась в гостинице «Иремель». Здесь же приводились телефоны владельца фирмы Марата Анатольевича Стрелюхина: обычный телефон, через секретаря, и прямой, известный очень немногим. Гуров решил воспользоваться этим приватным номером. Ведь ему нечего было скрывать, он не собирался долго изучать своего подозреваемого, ходить вокруг да около. Требовалось всего лишь встретиться с владельцем гостиниц и турбаз и задать ему пару-тройку вопросов.

Гуров набрал номер, и в трубке сразу послышался властный голос уверенного в себе человека:

– Стрелюхин слушает!

– Вот и прекрасно, что слушает, – сказал сыщик. – С вами говорит полковник полиции Лев Гуров из Московского уголовного розыска. Я занимаюсь расследованием ряда преступлений, совершенных в вашем городе, и мне необходимо с вами встретиться. Вы как предпочитаете: чтобы я вас вызвал повесткой сюда в Управление или чтобы я наведался к вам в офис?

– Конечно, в офис будет удобнее... – Голос в трубке заметно изменился, теперь он звучал уже не так уверенно. – Хотя я не понимаю, о каких преступлениях идет...

– Ничего, я объясню, – быстро проговорил Лев и отключился. После чего попросил Куликова вызвать машину.

Гостиница «Иремель», где находился офис Стрелюхина, ему понравилась. Это была новая архитектура, отказавшаяся от строгих фасадов и классических форм. Зданий такого типа в Москве было немало, а вот в провинции они встречались нечасто.

Как объяснил сыщику гостиничный портье, офис фирмы «Уральский простор» – два этажа в левом крыле гостиницы, он имеет отдельный вход – так, чтобы служащие фирмы не мешали постояльцам и наоборот.

Пришлось выйти и снова войти в здание, уже с торца. В холле Гурова встретил предупредительный молодой человек. Он осведомился, не является ли посетитель полковником Гуровым, а когда узнал, что является, выразил готовность немедленно проводить сыщика к хозяину фирмы.

В приемной секретарша при появлении Гурова вскочила, всем видом выражая готовность услужить. А в кабинете его уже ждал хозяин фирмы. Это был невысокого роста юркий человек, который был сама любезность. Он усадил гостя в лучшее кресло, осведомился, хочет ли он кофе или чай. Узнав, что гость не хочет ничего, кроме честных и прямых ответов на вопросы, сел напротив и весь обратился во внимание.

– Я прибыл, чтобы расследовать убийство прокурора Конягина, журналиста Угрюмова и еще несколько убийств, совершенных в вашем городе, – начал Гуров. – Я узнал, что обе названные мной жертвы интересовались делами вашей фирмы и вашими лично. Вам это известно?

– Совершенно ничего не известно! – заверил Марат Стрелюхин и прижал руки к груди в знак своей искренности.

– Это странно! – удивленно посмотрел на него Лев. – В сейфе Конягина я нашел папку с делом, на которой значится ваше имя. Прокурор вызывал вас для допроса в связи с...

– Да, конечно! – воскликнул Стрелюхин, не дав ему закончить фразу. – База отдыха «Тимофеевич»! Природоохранное законодательство! Жалоба! Но уверяю вас, это было чистой воды недоразумение, и я в ходе первой же беседы...

Теперь уже Гуров не дал договорить словоохотливому хозяину кабинета.

– Вот видите, я просил вас давать мне честные и прямые ответы, а вы сразу начали с вранья, – заметил он. – Я ведь не о том спрашивал, справедлива была жалоба на захват части берега или нет, а о том, интересовался ли прокурор Конягин делами вашей фирмы. Выходит, что интересовался, и вы об этом отлично знали. Знали – и сразу начали врать. Нехорошо! Я могу подумать, что вы и дальше не намерены давать мне честные ответы. А ведь речь идет не о захвате части берега. Дело, господин Стрелюхин, идет об убийстве!

– Я готов! Я полностью готов! – зачастил хозяин кабинета. – Может, вы все-таки хотите чаю? Или, может быть, сок? Свежевыжатый апельсиновый сок – это такая полезная вещь! Не хотите?

– Нет, я не хочу вашего сока, – отказался Лев и продолжил: – Как я понял из материалов дела, прокурор Михаил Конягин счел жалобу на ваши действия справедливой и был намерен дать делу ход. Вы могли потерять большие деньги. Но не потеряли, потому что Конягин погиб, и дело относительно вашей базы так и не открыли. То есть смерть прокурора была для вас выгодной. Точно так же была вам выгодна и смерть журналиста Угрюмова. Он собирался писать статью о вырубке зеленых насаждений при строительстве вашей фирмой площадки для аттракционов на проспекте Первопроходцев. Вы знали о том, что Угрюмов готовил такую статью? Только честно!

– Знал ли я? – повторил Стрелюхин. Лицо его при этом выражало недоумение. – Проспект? Площадка? Я не...

Тут в лице его что-то дрогнуло, и он вдруг заговорил совершенно иначе – прямо как автомат, у которого включили другую программу:

– Да, я слышал! До меня доносились слухи! Знаете, такие вещи витают в воздухе... Но я абсолютно к этому не причастен! Как вы могли подумать?! Убийство – страшная вещь! Я бы никогда не решился...

– Вот тут я верю, – согласился Гуров. – У вас бы и сил не хватило, чтобы задушить прокурора буксировочным тросом. И решимости тоже маловато. Но денежные люди обычно сами не мараются – для этого есть исполнители. У вас, случайно, при фирме нет подразделения типа ЧОПа?

– Нет! – вскричал предприниматель. – У меня нет ЧОПа! И службы безопасности тоже нет! Да у меня и охраны почти нет – проверьте сами! Проверьте, проверьте! У меня нет никаких людей, которые могли бы сыграть эту роль... такую роль...

– Киллеров? – подсказал Гуров. – Что ж, это я проверю. Я вообще проверю всю вашу деятельность за последние полтора года. У вас сколько телефонов?

– Телефонов? Два. Хотя вообще-то... вообще-то три... но третий...

– Увы, придется вам приобрести четвертый телефон, – заявил Гуров, поднимаясь. – Я должен временно изъять все имеющиеся у вас средства связи. Предписание на изъятие я вам привезу позже. Сейчас напишу расписку. Давайте, выкладывайте ваши телефоны.

Стрелюхин с обиженным видом выложил на стол три телефона. Гуров упаковал их в пластиковый пакет, написал расписку, после чего покинул офис компании «Уральский простор» и отправился в суд. Там он обратился к одному из судей и объяснил, что ему необходимо судебное предписание об изъятии средств связи у гражданина Стрелюхина, а также... – Сыщик порылся в своей записной книжке и добавил: – А также у гражданина Новичкова, известного риелтора. Судья счел его аргументы серьезными, и вскоре Гуров имел на руках оба документа. С ними он направился в контору Новичкова – второго человека, обнаруженного в окружении двух убитых.

Новичков оказался еще менее приятной личностью, чем Стрелюхин. Он не признавал логических аргументов. Припертый к стене, уличенный во лжи, он все равно продолжал твердить, что никогда не знал и не видел никакого прокурора Конягина. И уж тем более никогда не слышал о существовании журналиста Угрюмова. Промучившись с ним около часа, Гуров

плюнул, заявил риелтору, что им придется встретиться еще раз, на этот раз в Управлении, куда Новичкова пригласят повесткой, и вернулся в прокуратуру, в кабинет прокурора Полторанина. Но не для того, чтобы немедленно пригласить к себе упрямого Новичкова, а чтобы изучить содержимое телефонов Марата Стрелюхина. Его интересовали контакты владельца турбаз за два временных отрезка: в марте-феврале прошлого года и в мае-июне года нынешнего. Было важно узнать, кому Стрелюхин звонил в это время, не значились ли среди его контактов Конягин и Угрюмов. А еще было важно понять, не давал ли владелец телефонов неких поручений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.